

29.10.2014 00:01:00

Цивилизация смерти

Потенциал культурной периферии – связка отточенных скальпелей для хирургии перемен

 Александр Неклесса (/authors/12658/)

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – руководитель Лаборатории «Север – Юг» Института Африки РАН.

Теги: постглобализм (/search/tags/?tags=постглобализм), смерть (/search/tags/?tags=смерть), терроризм (/search/tags/?tags=терроризм), война (/search/tags/?tags=война), диффузная война (/search/tags/?tags=диффузная война)

Страхи, призраки – среди нас. А создаем монстров мы сами. Фото Reuters

**Мы усталое солнце потушим,
свет иной во вселенной зажжем...**

**Молот разгневанный небо
пробьет,**

**в неведомый край нам открыты
ворота.**

Андрей Платонов

В основе череды нынешних драм – шарады и шифrogramмы истории, пронизательное прочтение которых – добродетель правителей и долг экспертного сообщества.

Преобразование структур повседневности, их ползучая

модификация переиначивают исторические замыслы, трансформируя целеполагание человечества. Культурный шок от столкновения с новой реальностью – шанс на радикальную терапию проблем, не решаемых в привычной системе координат.

Постглобализм

История не завершилась в конце XX века – судя по всему, она просто меняет русло.

То, что мы наблюдаем сегодня, является окончанием большой паузы, сменой декораций, симбиозом разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порою, как и всякая химера, весьма причудливого свойства.

Противоречивой и пока гипотетической перспективой обозначена одна из вероятных траекторий, ведущая к обрушению цивилизации, по крайней мере в привычном смысле. Импульсы деструкции эпизодически возникали в прошлом, причем в различных обликах. В минувшем столетии – на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом производства, когда запылали костры экономически обоснованного, но социально нелепого уничтожения результатов человеческого труда. Позднее технологичная деструкция воплотилась в высокоиндустриальных войнах и гиперпотреблении.

Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных технологиями массового уничтожения. Завершение века было отмечено гекатомбами Камбоджи, Руанды, Южного Судана, Великой африканской войной – массовой резней в регионе африканских Великих озер. А террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, становятся приметой времени, проводя акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Сегодня на планете имеется ряд мест, где градус страданий за последние десятилетия не понижался, а повышался, порождая трухлявую государственность, не способную, да и не стремящуюся обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря уже о случаях откровенного, свирепого геноцида. Проникая мысленным взором за пределы оптимистичной прогностики, приходится лицезреть не светлое будущее, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца.

Феномен нового терроризма – симптом глубоких сдвигов. Движущей силой футур-исторического процесса выступают малые динамичные общности, с пользой для себя впитавшие достижения индустриальной культуры XX века и приступившие к масштабной реконструкции, переиначивая смысловые пространства уходящего мира.

В постсовременном космосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, совмещаются на путях к сфокусированной цели. Соборный персонаж практики вглядывается в смутно различимые, если вообще видимые для конвенционального зрения конструкции, опознавая пути колонизации будущего.

Здесь было бы уместно вспомнить многих провидцев, естественно, с определенными оговорками. «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку... Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации... или создать таковую – с ее собственными законами, то есть контробщество» (Фернан Бродель). Нынешнее агентство перемен, действуя поверх барьеров, пребывает в плаценте собственного социокосмоса. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, в гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие прежнее значение.

Пересекая горизонт

Разрушение цивилизационной оболочки происходит в результате либо деятельного разнообразия и непомерного спектра возможностей, либо культурной капитуляции и смыслового коллапса.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера – почти синонимы, признанной целью являются комфорт, статус, безопасность, все, что укладывается в конструктивные, хотя и незатейливые формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной карьеры может оказаться акт гибели, причем с последствиями, в сравнении с которыми бойни прошлого показались бы битьем елочных игрушек. И порой это не пустая геростратова амбиция – темное дерзновение скреплено иными чувствами, не требующими ярмарочного признания.

Если общественная страсть, лежавшая в основании нашей культуры – бессознательное влечение к социальному творчеству, преодолению несовершенств естества, «симфонии для всех жителей планеты», – покинула тело цивилизации, если духи рынка превращают ее в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *reg se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретает иные формы. Новая земля творится не ангелами, и сумерки творения исходят из очагов хаоса, глубин отчуждения, познанных человеком.

Для человечества чувства гнева, боли, незащищенности не уникальны, порой они становятся уделом стран и народов. Страданием и горечью наполнены не только те или иные регионы Черной Африки, Большого Ближнего Востока, конфликтные территории, не контролируемые законной властью. На «золотых землях» различных пропорций из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния творятся анклавы помеченной трупными пятнами земли, возрождая плоть пиратских республик, дух гнезд ассасинов.

Лоно мрачной страсти – проказа фавел и бидонвилей, суммы нищеты и междоусобиц, презрения к человеческому достоинству, некогда познанному и признанному цивилизацией. Взрывчатая смесь экстремизма и нигилизма насыщается испарениями метафизических источников, нетрадиционных практик, подзабытых традиций. Складывается порода людей, лишенных былой культурной идентификации, а бурлящая природа их страсти – заря мира, согласного воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения.

Флюиды раскованного Прометея модифицируют среду, меняют траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломились. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, рая и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса.

Диффузные войны

Мир испытывает давление высокомотивированных организованностей, использующих для достижения целей эффективные средства, созданные высокоиндустриальной цивилизацией. Целеполагание напоминает русскую матрешку, а наличие оригинального концептуального вектора оказывается важным преимуществом, провоцируя максимальные усилия вплоть до акций, категорически отвергаемых прежним моральным кодексом.

Возникает новый класс угроз. Борьба разворачивается не просто в политике или экономике, сфере финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и технологических решений – происходит столкновение интеллектов, мировоззрений, стилей жизни и кодексов поведения, асимметрично сопрягаемых в системе координат надвигающейся культуры.

Наш мир не многополярен, он многомерен: мы обитаем в предместье призрачной постцивилизации – распределенном множестве терминалов освобожденного Франкенштейна. Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный *Undemet* – трансграничный андеграунд, объединивший яростных обитателей человеческой вселенной. Эти динамичные конstellации активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов.

В условиях трансформации миропорядка, когда в ряде мест цивилизационный кодекс и родовые признаки государственности ослаблены, системы безопасности оказываются приватизированными и все менее действенными.

У нового терроризма свои специфические черты. Он учитывает взаимосвязанность мира, системный характер протекающих процессов, предъявляя соответствующую стратегию угроз. На Бишкекской встрече по безопасности (февраль 2001 года) автором была предложена к обсуждению концепция противодействия терроризму, наркотрафику, иным угрозам, основанная на гиперэкологических постулатах. Феноменология и логика системного терроризма сравнима с динамикой инфекционных заболеваний, поведением нежелательных, перманентно атакуемых популяций или алгоритмами виртуальных агентов наподобие компьютерных вирусов, червей, троянов. Купирование негативного явления обосновывается не столько успехом военных операций («борьба с симптомами»), но главным образом как результат модификации среды обитания.

Суть методологической схемы – отказ от рефлексивного подхода, выражающегося в борьбе с проявлениями и следствиями, переходя к политике преадаптации, разрушению социального потенциала антисистемы, ее финансовой стерилизации, подрыву патогенной среды обитания, созданию контрпопуляций, то есть матричному прочтению контекста и динамичному контролю.

Взрывоопасная смесь Глубокого Юга и Нового Севера между тем приближается к точке вскипания, напоминая о мировоззрении, ввергающем в нигилистические бездны своих адептов и последователей, усматривающих в смерти главный смысл и основное деяние земного существования.

Эта поэтика деструкции время от времени посылает в мир перепоясанных смертью вестников.

Корпорация Земля

В прописях наступающей эпохи под флером категориального, лексического, но никак не феноменологического вакуума множатся подвижные организованности, облачные структуры. Единицей цивилизационной идентичности становится скорее тип личности и характер активности, нежели национальное государство.

Не менее энергично проявляется глобальный Юг – рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров: сотрудников и безработных «Корпорации Земля», добывающихся изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по нынешним правилам для них бессмысленно. Действуя так, они останутся вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в мировом Совете директоров. В пестром конгломерате социального прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть, перевернуть и сокрушить актуальную власть. Магистериум сумеречного юга был со временем опознан: место, занимаемое ресурсом жизни, претендует занять ресурс смерти, заместив конструкцию – деструкцией, желание обустроить жизнь – стремлением значимо реализовать смерть. В катакомбах Крайнего Юга формируется зона универсальных пропорций, населенная миноритариями «Корпорации Земля», чей козырь и неотчуждаемый ресурс – поставленная на кон и эффективно разыгранная смерть.

Сегодня этот актив – произвольная и осмысленная смерть – высоколиквидный товар на глобальном рынке, по своему эксплуатируемый политэкономической мегамашинной. Потенциал продукта – предмет игры на повышение. Охранные механизмы Модернити были настроены на иной класс угроз, их мощь, ориентированная скорее на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит в песок. Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессивией формализованных институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных и неопределенных персонажей, расплывшихся по городам и весям, эти системы не эффективны. Рождается феномен диффузных войн, то есть происходит диффузия временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов проведения силовых акций и боевых действий.

Извлеченный из сундука Пандоры и высоко оцененный новым веком ресурс реализуется в комбинациях переходной эпохи не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ цивилизации смерти, элементы которой включаются в рецептуру властных игр.

Культура смерти

Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне. Наиболее драматично – в эпидемии террористов-самоубийц. Произвольная и осмысленная смерть – рычаг перемен не только в пользу Глубокого Юга. В чертогах Нового мира не один лишь униженный Юг разрабатывает мрачные штольни: запретный ресурс приспособливают для своих нужд разные персонажи мировой драмы. И не одни лишь социальные причины источник и движитель сумрачного преображения.

Мании коллективных убийств, призывы к автоаннигиляции, эпидемии самоубийств время от времени охватывали жителей земли, чье поведение начинало походить на исход леммингов. На заре прошлого столетия самоубийство было публично охарактеризовано как «акт свободы». Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. На «земляничных полянах» постсовременности ощутимо дыхание экофашизма – замыслов радикальной либо плавной депопуляции Земли в диапазоне от изводов самооскопления до проектности биотерроризма. Дебаты о демографической проблематике, методах контроля рождаемости и сокращения избыточного населения сливаются с темами нищеты, радикализации, фрустрации, подводя к ревизии привычных ценностей цивилизации и культуры.

Радикальное мироположение предполагает не только действенное разрешение форс-мажорных ситуаций, но также их форсирование, углубление, преумножение. В подобном контексте иначе прочитывается сентенция безумного философа: «Высший интерес к восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения

вырождающейся жизни» (Фридрих Ницше). Допущение в мир рукотворного механизма повальной смерти можно усмотреть в реализации замысла «оружия Судного дня». И если кто-то властный решается произнести: «Правил нет, они не существуют» – хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития разрушенным.

Деструкция в той или иной форме присутствует в истории, будучи инкапсулирована в культурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции. Деструкция традиционно прочитывалась как асоциальное действие, а ее сублимация – как стержень обновления: деконструкции и реконструкции культуры. Культура смерти утверждает новую меру вещей, речь идет о культивации и легализации процедур, редуцирующих господствующее мировоззрение, подвергая инфляции и дегуманизируя привычную социальную ментальность.

«Зима уже близко!»

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония.

Деспотизм обыденности скрывает агонию прежнего миропорядка, цивилизация напоминает льдину, постепенно растворяющуюся в бурлящем житейском океане. Если «над жизнью нет судии» и все позволено – любой эксперимент в марксистском, ницшеанском либо фрейдистском духе, – то логическим концом истории станет антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. По мере снятия глубинных препон на повестке дня оказывается идея устранения моральных границ: взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто.

Реальность населяется виртуальными персонажами, обличья обретают самостоятельность, замещая реальность. Мысль о допустимости и необходимости уничтожения толп зомби, ставшая за последние десятилетия привычной, ведет к легитимации планетарного жертвоприношения. Утопию вытесняет дистопия, скудость жизни замещает широта смерти. Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической цивилизации – неведомой прежде эпохи, когда смерть становится главным импульсом, ценностно-насыщенным, социально и культурно разработанным содержанием жизни. И уже не самоорганизующиеся очаги порядка, а спонтанные, необузданные всплески критичности будут определять треснувший земной ландшафт.

Идеи и сценарии укрощения бытия, проклянувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, претворяясь в организацию тотального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное. Подобная диспозиция раздвигает смысловую ретроспективу, перетолковывая события XX века, истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа и Холокоста, Дрездена и Хиросимы, Пол Пота и Руанды.

В логике социализированной деструкции прочитывается нечто интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения, – состояния, когда управляемая смерть воспринимается как апофеоз жизни. Пути истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть подавляет личность, подвергает изощренному геноциду классы, нации, расы, конфессии, профессиональные либо социальные страты, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над обыденностью и режимом.

Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность – под сомнением. Ситуация вскоре была перетолкована: умные головы не только отыскивали новый вид оружия массового поражения, но обнаружили направление исторического творчества, реализующее потенциал периферии – связку отточенных скальпелей для хирургии грандиозных перемен.

У культуры смерти есть и более драматичный аспект, также отвергающий присущую современному человеку траекторию успеха. Но тут ситуация еще менее однозначна: «...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь». Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, «чье тело в земле, а дух – на небесах».

И переходя в метафизические измерения, сливаясь с жадной избавления от могильных мук: «Ищите смерть там, где вы ожидаете ее найти, и материальный мир закончится, наступит жизнь потусторонняя, которая продлится вечно» (Ибрагим аль-Бадри). И глубже: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью» (св. Игнатий). Здесь битва разворачивается уже в иной среде, участвуют в ней существа другой природы, равно отвергающие мир, но преследующие диаметрально противоположные, как противоположны любовь и ненависть, цели.

Идея корректировки истории жертвой – та ценность, на которой жидилась двухтысячелетняя цивилизация, в наши дни извратилась, обретая карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистичное мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицая претензии социальных институтов на состоятельность тварного мира и само право на бытие.

Так или иначе, прежняя история завершается. Ее путеводные нити, выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводаемыми на язык повседневности, либо прочитываются иначе: произвольно, разноречиво. И толкуются ad hoc, то есть конъюнктурно. Письмена, возникающие на ткущихся и вновь

распускаемых холстах, заметно отличаются от привычной языковой вязи, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невятицу: мене, текел, упарсим.

Не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Огненные руны – зарницы Нового мира освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду Модернити. И хотя процесс грандиозной мутации в некоторых частях планеты еще не слишком заметен, в других местах он видится яснее, понуждая размышлять о где-то когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмиевых зернах; скрученных в тугую пружину воздушных потоках – вестниках близких бурь и перемен.